

Ниньюэ закричала и упала на землю от боли, слои черного тумана вырвались из ее тела, как будто прогоняемые чем-то.

С уходом этих черных туманов на гладких и нежных щеках Конденсирующей Луны начали появляться морщины, а ее чернильные волосы медленно становились седыми.

Ниньюэ Юэ расширила глаза и посмотрела влево, чтобы защитить Фа. Она выглядела испуганной: "Будда, ты же буддист".

В ответ ей Цзо Хуфа легонько покрутил четки, и в лице Амитабхи не было ни печали, ни радости.

Лицо Конденсирующей Луны постарело, и она окуталась золотым светом Будды, большой "□" буддийского текста мигал, казалось, желая окутать ее.

Увидев опасность Конденсирующей Луны, Аи развернулась и связала Конденсирующую Луну цепью запретных духов в своей руке, а затем сбежала вместе с Конденсирующей Луной.

Лу Ханьси не мог остановить бабушку, увидев такое количество людей, он устался на цепь запретных духов, его лицо было мрачным, как вода: "Нелепо брать артефакт, данный Владыкой.

Она холодно сказала: "Юэвэй пойдет за ним, не говоря уже о том, чтобы убить его".

Юэвэй услышал приказ и быстро побежал в сторону Има и Юэюэ.

Лу Ханьси взмахнула руками, и тени скрылись в темноте. Ее внимание упало на бескорыстие: "Бескорыстие, прошло много времени".

Никто нежно склонил голову, его темперамент был утонченным, как облако, которое не пылилось над небом девять дней: "Донор Ханьси".

Взгляд Лу Ханьси был сложным: "Я помню, что хозяин был хозяином храма Ханьси. Теперь он называет мое имя. Что чувствует хозяин?"

Уву низко улыбнулся, разбавляя святой дзэн всего тела, как фея, упавшая в пыль: "Я очень скучаю".

Лу Ханьси выглядел печальным и ненавистным, печальным без моего нынешнего отношения, ненавистным к виновникам всего этого.

Уву была подобрана хозяином храма Ханьси для воспитания и взросления, она была ровесницей Цзинтан, молодой девушкой. Лу Ханьси часто ходил в храм Ханьси вместе с Цзинтан, чтобы найти Уси.

Без меня я буду рассказывать много историй, я буду готовить еду, от которой трудно отказаться, а она будет делать самое вкусное вино в мире. Ее навыки виноделия немного освоены без меня, но без меня я больше не делаю вино. Уже.

Лу Ханьси все еще помнит первоначальный облик без меня, его высокомерное поведение, блестящие таланты и нерафинированный темперамент, окруженный сороками.

Но теперь его уже не видно, а падение бессмертного в этот мир всегда вызывает сожаление и

сожаление.

Лу Ханьси молчала. Возможно, сожаление в ее глазах было слишком явным. Движение поворота бус без меня остановила и искренне сказала: "Донор в Ханьси не обязательно должен быть таким, все поправимо."

Лу Ханьси не удержалась и уколола его: "Раз ты знаешь, что это фиксированное число, почему бы тебе не погрузиться в прошлое и не выбраться оттуда".

Без горькой улыбки я откровенно сказал: "Это практика бедного монаха, который еще не вернулся домой".

Он посмотрел на мертвые тела вокруг себя, вздохнул и пристально сказал: "Хань Си, ты убил слишком много людей, и у тебя слишком много целей для мести. Цена этой дороги слишком велика для тебя".

Лу Ханьси упрямо ответила: "У меня скоро не будет ничего, кроме этой жизни, и любая цена не имеет значения."

Ее окружил слой черного тумана, и ее голос взорвался: "Господин, позвольте мне, человеку, полному греха, совершить такое, попав в ад. Если вы можете, вы все еще можете быть верховным монахом, Purdue людей . "

Она вспорхнула в темный туман и полетела в сторону двора, где она наблюдала за происходящим. За ней последовали несколько теней.

Я долго молча стоял на месте.

Спустя долгое время он посмотрел на небо и, казалось, сквозь преграды увидел высокого Будду.

Он тихо прошептал: "Я сострадателен, и моя магия безгранична. Почему же я не могу спасти маленькую девочку?"

Голос вышел, и через некоторое время без меня он понял, что в сердце он обижен, и обижен на своего Будду.

Однажды дочка сказала: "Ты обратись к Будде, я обращусь к тебе, как тебе?".

Он ответил: "Хорошо".

Тогда он, обратившийся к Будде, потерял свою любимую девушку, а девушка, обратившаяся к нему, потеряла свою жизнь.

С тех пор он разорвал кольцо убийства, нарушил практику и с неохотой восстал против Будды.

В этом мире нет такого святого монаха, который не может спасти даже себя, как спасти людей.

Без моих глаз, слабая вспышка черного воздуха промелькнула назад, и изменилась обратно на тот непостижимый левый метод защиты.

Зуо Хуфа в расстройстве потер лоб и отвернулся. Задание, которое дал ему Господь, защищать молодого мастера, еще не закончено, и он должен выполнить свою часть, чтобы быть верным.

С другой стороны в комнату вошла Ронг Сиань, и ночная жемчужина приняла этот скромный дом, как дневной свет.

Она села за стол и посмотрела на Бай Чаньюэ, которая только что вошла, кончики ее пальцев слегка шевельнулись, и серебряная игла, одетая в золотую проволоку, молнией метнулась к Бай Чаньюэ.

Бай Чаньюэ был поражен, его руки сознательно схватились за серебряную иглу, а сердце бесконечно дергалось. Почему Ронг Сянь пытался ударить ее?

Не успела она это понять, как серебряная игла внезапно повернулась и уперлась ей в запястье.

В то же время, золотая нить обвилась вокруг ее запястья, попутно привязав серебряную иглу к ее запястью.

Все произошло в мгновение ока. Бай Чаньюэ вернулся к своим мыслям и только хотел задать вопрос Ронг Сяню, но увидел, как Ронг Сянь слегка нахмурился и нажал кончиками пальцев на шелковую нить.

Бай Чаньюэ замер, это и есть пульс?

Вошел Янь Фэй и увидел эту сцену, он молча сидел на другом конце стола и с интересом наблюдал за движениями Ронг Сяня.

Насколько высока медицинская техника Ронг Сянь, чтобы увидеть, кто перевернул ее лекарство, все станет ясно.

Первый признанный человек в мире, увидевший ее исцеление, или неизлечимые болезни, как Бай Чаньюэ, действительно редкость. Что.

Бай Чаньюэ также знает, что если и есть кто-то в мире, кто может вылечить ее болезни, то только Ронг Сиань, поэтому он устался на Ронг Сиань, не мигая, и каждый хмурый взгляд Ронг Сиань заставлял ее пугаться, чтобы не услышать плохие новости.

Мгновение спустя пальцы Ронг Сянь слегка шевельнулись, и шелковая нить, обвивавшая запястье Бай Чаньюэ, ослабла серебряной иглой. Оторвавшись от Бай Чаньюэ, она развернулась под их удивленными взглядами и обвилась вокруг запястья Янь Фэй.

Янь Фэй подняла брови, не ожидая, что эта нить снова нашла ее.

Но она не двигалась и позволила Жун Сиань исследовать ее раны, а Бай Чаньюэ сидела рядом с Янь Фэй и ждала.

Время диагностики пульса Янь Фэя было намного короче, чем у Бай Чаньюэ, и Ронг Сиань забрал золотую нить после того, как узнал их физическое состояние.

"Доктор Ронг, как?" Бай Чаньюэ попыталась подавить ожидание в своем сердце и спросила дрожащим голосом. Она даже не осмелилась задать вопрос: "Вы можете его вылечить?".

Она боялась, что ее снова постигнет разочарование. Если Ронгсянь не сможет вылечить его, и никто не сможет вылечить снова, то она так и будет жить всю жизнь.

Ронг Сиань не продала сына, ее губы выгнулись теплой дугой, ясные, как небо, глаза были полны терпимости, с оттенком утешения: "Можно вылечить, не волнуйся".

Напряженное тело Бай Чаньюэ расслабилось, и слезы из его глаз не могли не упасть.

<http://tl.rulate.ru/book/75236/2519980>